

Лицеисты

Маша не заикается только когда поёт. Из-за песни мы и познакомились: на вступительных в лицей я увидела темноволосую девочку за пианино. Она невозмутимо пела «Пачку сигарет», как будто вокруг не орала нервная абитура.

- Класс! Я тоже люблю «Кино»! - крикнула я, подойдя. – Я Василиса. А ты?

Она кивнула и продолжала играть и петь, как будто ответ был не нужен.

Мы обе поступили, и за полтора года набили друг другу миллиард сообщений, потому что Маша так общается. Я привыкла, что она молчит, - зато отлично слушает. На её лице с синюющими под глазами сосудами такая мимика, что все «да», «нет», «засада», «вот идиот!» считываю не только я. Наш поток зовёт её Маша-мим. Миммаша.

– «Идём в «Пятёру»?» - написала я на литературе, пока Лина Николаевна закатывала глаза и захлёбывалась восторгом от «Онегина».

Она всё время захлёбывается, когда говорит про писателей и тексты. И глаза всегда закатывает одинаково. Я уже не различаю, где Пушкин, где Гоголь. Неужели вся классика может нравиться равномерно?

Машино лицо сыграло партию «конечно», «вот спросила», а заодно «Пушкин достал уже!». Как только Лина Николаевна перестала заламывать руки и плакать от счастья, мы рванули к выходу.

Перед прозрачной дверью в тамбур стоял охранник и нехорошо улыбался. У его лица размахивала руками Мосина, красotka нашего потока.

- Вы не имеете права! Немедленно выпустите! Мне надо выйти! Может, у меня диагноз, клаустрофобия!

«Как же ты тогда в маникюрном салоне сидишь?» - настрочила мне Маша. – «А вообще, чего это они? Всегда ж можно было».

- С прогулами опять борются, - сказала я, прикрывая уши: Мосина визжит, как кошка. Чудо, что лицей ещё не посетило общество защиты животных.

Скандал разрастался. Перед дверями скопился народ из всех потоков. Малыши из тридцатого жались у шкафчиков и бухтели детскими голосами; наши парни язвили, что курение – это химическая зависимость, значит, у них тоже диагноз. Улыбчивый рыжий Серж-адвокат – он собирается на юридический – всяко пытался втянуть охранника в

дискуссию, но без толку. Охранник мстительно молчал, играя бицепсами, и только ухмылка становилась шире и шире. И чего радоваться? Куча же народу страдает.

- «Так начинаются народные восстания», - написала Маша.

- Ага, - согласилась я. – «Требуем хлеба и курева». Если честно, есть ужасно хочется.

- «Опять не завтракала?!?» - рявкнуло Машино лицо.

Она выудила из рюкзака пачку блинов, скрученных в аккуратные свёртки.

Мы сели на ступеньки и стали жевать совершенно холодные, безумно вкусные блины с яблоком, похожие на упакованных на прогулку младенцев.

Маша толкнула меня локтем и показала экран: «ЗВНТУПНСД?».

«Значит, всё не так уж плохо на сегодняшний день», - наш мем.

- Ага, - подтвердила я и взяла второй блин.

Мы увлеклись и пропустили момент, когда джинсово-толстовочная толпа отхлынула и замерла. У дверей кто-то вещал хорошо поставленным учительским голосом.

- ??? – посмотрели мы друг на друга.

Я оседлала перила и посмотрела вверх голов. Перед охранником стояла Лина Николаевна в своём вечном макси-платье в горох, с идеальной осанкой гимнастки. Она была не выше меня, и на фоне накачанного охранника выглядела ученицей.

- Не все принесли обед, рассчитывали на магазин и кафе. Я считаю, детей следует выпустить.

Выражение лица нашего цербера не изменилось, но челюсть задвигалась. Он что-то сказал, но услышала я только ЛН.

- Поймите, об этом распоряжении никто не знал! Очень прошу вас. Под мою ответственность. Да, да, конечно, с Анной Силантьевной буду объясняться я. Дети дадут слово, что вернуться.

- Конечно, дадим! – тут же выскочила Мосина, и как только охранник отпер дверь, нырнула ему под руку и скрылась в тамбуре.

ЛН ещё что-то говорила, но толпа уже повалила к выходу, и стало не слышно.

- Вот дела, - сказала я, садясь. - Слушай, ну они же не вернуться.

Маша ответила фразой, за которую, если бы её произнесли вслух, запросто могли вызвать к директору.

Мы так и сидели на лестнице напротив входа. До начала пары оставалось десять минут. Маша задумчиво прихлёбывала из крышки термоса грибной суп. Он пах теплом и летом.

Я вдруг поняла, что идти в «Пятёрочку» ей было не обязательно, она собиралась туда ради меня.

- Ой, как попадёт ЛН, ой, какой будет разно-о-ос... Знаешь, мне что-то даже стыдно стало, что я не выучила письмо Татьяны. Прямо неловко как-то.

Маша кивнула.

Резко бухнула дверь, и ноги обдало холодом. На ходу стаскивая куртки, к вешалкам прогрохотали малыши. Двое пинали друг друга, - кто-то из них сунул второму за шиворот снег.

В белой короткой шубе-чебурашке в лицей вплыла Мосина. Тщательно постучала каблучицами по коврику перед турникетом, подошла к нам.

- Ловите, лохи, - она небрежно уронила нам на колени две слойки в целлофановой упаковке. – Есть ещё нежравшие? – спросила она, и, не дожидаясь ответа, поцокала наверх.

В предбаннике заржали несколько голосов, в дверях появился Серж.

- Минздрав предупреждает: ехидство опасно для вашего здоровья, - улыбаясь, ласково сказал он охраннику, пока прикладывал карту к турникету.

Дверь открывалась и закрывалась: парни по одному заходили и останавливались там же, где Серж.

- Минздрав предупреждает, – глядя кто в потолок, кто на ботинки говорил каждый как будто про себя.

Охранник бесился.

Ноги совсем замёрзли. Мимо нас, источая запахи сигарет и кофе, картошки-фри и мороженого, валили на урок лицеисты. Мелькнув платьем, на второй этаж пронеслась ЛН.

- Пора, Маш, - сказала я и поднялась. – Всё не так уж плохо: «Онегин», часть вторая. Я к вам пишу, и всё такое. Пошли.

И мы пошли.